

Ярмарка в Голтве — текст 1 из 2

Местечко Голтва стоит на высокой площади, выдвинувшейся в луга, как мыс в море. С трех сторон обрезаемая капризным течением Псла, эта ровная площадь открывает широкие горизонты на север, запад и восток, и в южной части ее столпились в живописную группу белые хатки Голтвы, утопающие в зелени тополей, слив и черешен. Из-за хат вздымаются в небо пять глав деревянной церкви, простенькой и тоже белой. Золотые кресты отражают снопы солнечных лучей и, теряя в блеске солнца свои формы, похожи на факелы, горящие ярким пламенем.

На восток раскинулась равнина обработанных полей вплоть до горизонта пестреют квадраты, желтые и темные; среди них там и тут стоят пышные, зеленые левады, белые хатки прячутся в садах, дороги выются меж хлебов, как змеи, стада вдаль на выгонах как игрушечные. На западе площадь крутым обрывом опускается к быстро текущему Пслу; его вода блестит на солнце серебром, на берегах стоят вербы и осокори; за Пслом опять поля до горизонта и опять на них куски яркой зелени, полосы созревшего хлеба и белые пятна хуторов. Хутора, в рамках из тополей и верб, всюду, куда ни взглянешь... Густо засеяна людьми благодатная земля Украины!

Над громадным пространством, тесно заставленным возами, тысячеголосый говор стоит в воздухе, знойном и пыльном. Всюду толкуются, спорят и грегочут чоловіки, горохом рассыпаются бойкие речи жінок. Десять хохлов в минуту выпускают из себя столько слов, сколько, в то же время, наговорят трое евреев, а трое евреев скажут в ту же минуту не более одного цыгана. Если сравнивать, то хохла следует применить к пушке, еврея к скорострельному ружью, а цыган это митральеза. Черные лица, черные волосы и белые хищные зубы цыган так и мелькают в толпе; их характерная, гортанная речь трещит в ушах, за ней не успеваешь следить. Их проворные движения и жесты красивы, но заставляют опасаться, быстрые темные глаза с синеватыми белками сверкают хитростью и нахальством. Ловкие, гибкие, они являются ласковыми лисицами басен и скалят зубы, как голодные волки. Четверо из них осаждают какого-то чоловіка, уже сбитого с толку и растерявшегося под градом убедительных речей, осыпающих его немудрую голову. Он стоит среди них, усердно чешет затылок и тяжело соображает. У него на поводу молоденькая лошаденка. Ее осаждают оводы с таким же усердием и жаром, как ее хозяина цыгане. Вокруг этой группы толпа, внимательно следящая за ходом сделки. Підожди!.. говорит хохол.

Не хочу! восклицает цыган. Что мне ждать: хіба ж я с того, что подожду,

гроши зароблю? Я тебе говорю прямо, как перед богом: моя лошадь такая, что и сам полтавский губернатор на ней поехал бы, куда хочешь хоть в Петербург! Вот на какая моя лошадь! А что твоя? Только тем она на мою и похожа, что у нее тоже четыре ноги и хвост! А какой у нее хвост? Это стыд, дядько, стыд, а не хвост...

Цыган ожесточенно дергает лошадь за хвост, щупает ее всюду и руками и глазами и все говорит, говорит. Его товарищи пренебрежительно советуют ему:

Э, брось! Что тебе хочется в убыток меняться? Вот дурной!.. Брось...

В убыток? Ну, и буду меняться в убыток! Разве ж я моему коню и карману не хозяин? Мне человек нравится, и я хочу человеку доброе сделать! Дядько! Молитесь господу!..

Хохол снимает шапку, и они оба истово крестятся на церковь.

Ну, господи, благослови! восклицает цыган. Берите ж моего коня и помните мое доброе сердце... Берите его и давайте мне пять карбованцев придачи...

Вот и все!.. Кончено!.. Давайте руки...

Хохол из всей силы бьет ладонью по ладони цыгана и говорит:

Два дам!

Э! Четыре с половиной!

Два!

Цыган так шлепнул по руке хохла, что тот потряс ею в воздухе и потом внимательно осмотрел свою ладонь, как бы удостовераясь цела ли?

Четыре ровно!

Два! упорно стоит на своем хохол.

Ну, утомленно говорит цыган, идите ж теперь к вашей жінке и расскажите ей, какой вы дурень...

Два! говорит хохол.

Вот что, молитесь богу!

Снова молятся и снова бьют руки друг друга.

Ну, берите же на свое счастье, мне в убыток: не хочу я с вас, добрый человек, лишних грошей брать, коли нет их у вас в кармане... Даете три с полтиной?

Ні, качает головой хохол, оглядывая лошадь цыгана, понурую и шершавую.

Три с четвертью?

Ні...

Чтоб ваша жінка сказала вам сто раз ні, когда вы у нее борща попросите!

Даете три гладких карбованца? И то не даете? Так берите ж за вашу цену... Э, пропали мои гроши и конь хороший!

Лошадей передают из полы в полу, и хохол уходит, ведя на поводу выменянную крупную рыжую кобылу, равнодушно переступающую разбитыми ногами. Морда у нее печальная, и уныло смотрят ее тусклые глаза на толпу

людей.

Скоро хохол возвращается назад. Он идет торопливо, так что лошадь едва поспевает за ним; лицо у него сконфуженное и растерянное. Цыгане смотрят навстречу ему спокойно и разговаривают о чем-то на своем странном языке.

Це діло не законне, покачивая головой, говорит хохол, подходя к ним.

Какое дело? осведомляется один из цыган.

А це... Як же вы мені...

А что мы тобі?..

Підождить!.. Як же...

А як же?

Да підождить же!

А чего ждать? Когда кобыла родит? Да ты ж, дядько, еще и не венчался с ней!

В толпе хохот. Бедняга хохол апеллирует к ней.

Добрые люди ратуйте! Вони мені беззубу коняку намісто мойї зубатой наміняли!

Толпа не любит неловких так же, как и слабых. Она становится на сторону цыган...

А де ж у тэбе очи булы? спрашивает хохла сивый старик.

Не вмій з цыганами діла! поучительно заявляет другой.

Обманутый рассказывает, что он смотрел зубы у коня, но на верхние не обратил внимания, а из них три оказываются сломанными. Должно быть, коня когда-то сильно ударили по морде и сломали ему три зуба. Куда он годится такой? Он есть не может, вон у него какой вздутый живот. Человека два-три из толпы начинают защищать хохла. Возникает гвалт, и громче всех кричит, не уставая, цыган...

Э, добрый чоловік! чого ж ты затіяв таку заворуху? Хиба ты не знаєшь, як треба конів купувати? Конів купувати як жінку вибирати, все одно, так же важне діло... Слухай, я тобі скажу відну казку... Як булы на світі три братика, двое розумні, а третій дурень ось як ты, або ж я...

Товарищи цыгана тоже орут во всю глотку, оправдывая его; хохлы лениво ругаются в ответ; толпа становится все гуще и теснее...

Що ж мені зостається, добрі люди? горестно вопрошает обиженный.

Ходи до урядника! кричат ему.

А и пойду! решает он.

Стой, чоловіче! останавливает его цыган. Разорить меня хочешь? Разоряй!

Давай мне три карбованца я твою лошадь назад віддам! Желаєшь? Давай два! Желаєшь? Ну, иди и жалуйся...

Хохлу не особенно приятно тягать к ділу урядника, и он задумывается. Со всех сторон ему дают советы, но он остается глух и нем, решая что-то про себя.

Наконец решил...

Ну, от що, уныло говорит он цыгану, нехай бог тебя судит... Отдай мені моего коня, а два карбованці, що ты в придачу узяв, твои... Триста трясців тобі у боні грабь!

И цыган ограбил его с таким видом, точно великую милость ему оказал.

Догадливі люди! похваливали чоловіки цыган отходя от них.

Деготь московский, атличный, фабричный, аккуратный, аппаратный, пахучий, тягучий! Шесть копеек кварта, пятнадцать четверть! возглашает черниговец, восседающий на телеге. Телега, бочка и сам торговец все это черно и жирно от дегтя и все двигается одной сплошной массой, распространяя вокруг себя характерный аромат.

А, мабудь, и по пять за кварту продадите? справляется у дегтярника чоловік в необычайно широких штанах и в соломенной шляпе на голове.

Тпру-у! По пять не могу, хозяину на шесть копеек присягал...

А, мабудь, можно по пять?

Никак...

Эге... Зовсім не можно?

Слушай, дядько, продам тебе по пять, не говори только никому... Не скажешь?

Ни, не скажу...

Ну, давай баклажку.

На що?

А на деготь!

Та мені того вашего дегтя не треба, бо я вже купив... И теж по шість копійек и теж у вас... Я спросив вас за тім, що, мабудь, вы теперь дешевле віддаєте цей деготь.

Дегтярник молча отвертывается, трогает лошадь и едет между возов, возглашая о своем товаре... Чоловік провожает его взглядом и говорит другому, раскинувшемуся на возу:

Коли б я не куповав кварталы дегтя утром, була б в мене копійка лишня у кишені...

Эге ж... Жарко!

Як у пеклі...

Хиба ж твой батько писав тобі з пекла, як там жарко? спрашивают с воза.

Томящий зной все усиливается. Запах дегтя, навоза и пота висит в воздухе вместе с тонкой пеленой едкой пыли. Всюду у возов стоят и лежат волы, жуют, не уставая, сено и смотрят в землю большими, добрыми глазами. Кажется, что они думают: у них такие осмысленные морды и в глазах светится спокойная, привычная печаль. Мычат коровы и телята, блеют овцы, раздается звон кос, пробуемых покупателями. Чоловіки, приехавшие продавать скот или руно, лежат под возами, скрываясь от солнца и ожидая покупателей. Чоловіки

покупающие расхаживают между возами, высматривая скот и шагая через ноги продавцов, разбросанные на земле. У каждого покупателя в руке кнут, и, подходя к волам, покупатель считает нужным вытянуть смиренную скотину по боку кнутом. Волы медленно поднимаются на ноги, если они лежали, и тяжело двигаются от удара, если стояли на ногах.

Скільки за цю пару просите? спрашивает покупатель пространство...

Из-под воза раздаётся неторопливый ответ:

Девяносто рублів...

И то гроши! говорит покупатель и отходит или спрашивает:

А чого ж бы вам, дядько, цілу сотнягу не просить?

Та вже мені більш того, скільки треба, не треба грошив. А коли ви вже такий добрый, то давайте и усю сотню я візьму...

Спасибо вам... А скільки ж бы ділом узяли?

Та вже так, щоб не довго балакать, візьму я з вас... девяносто рублів...

Начинается торг. Чоловіки не торопятся, это совсем не в их характере, и продавец вылезает из-под воза не ранее того, как убедится, что покупатель серьезный. Понемногу горячатся, и вот уже бьют друг друга по рукам, молятся по десяти раз и более, расходятся, снова сходятся. Все делается медленно, но основательно, вдумчиво. Ядреной и крутой ругани великорусов, от которой дух в груди спирает и глаза на лоб лезут, не слышно, ее заменяет меткий юмор, щедро украшающий речи. Не слышно и великорусского тыканья. Сивый дід, у которого безусый хлопец торгует пару молоденьких бычков, так, например, отчитывает покупателя:

Здаєтця мені, что вы, хлопче, раненько маткину цицьку на люльку зміняли, бо разума у річах ваших не бачу я...

Так як же, діду! Вони и некрасиві ось роги якіе...

А хіба ж вы рогами пахати будете? Так купуйте же собі козлів: у них рога красивейши...

Сыны Израиля вертятся меж возов, как вьюны. Они обо всем спрашивают, все щупают и все покупают. Чоловіки говорят им ты и смотрят за ними во все глаза. Паньы встречаются с чоловіками с чувством собственного достоинства, и в разговоре с паном у хохла сквозь внешнюю почтительность пробивается не одна нотка пренебрежения. Видно, что пан давно уже определен как ненужная козявка у пчелином рои.

У одного из возов корова, привязанная к нему, вдруг зашаталась и в корчах повалилась на землю. Жінка, продававшая ее, соскочила с воза и закрутилась вокруг больного животного, как в вихре. Испуг, граничащий с ужасом, выразился на лице бедной женщины, сразу лишившейся надежды продать свою скотину.

Ой, господи! Ой, добрі люде! Ратуйте що воно таке? Що воно? Ой, мати

пречистая!

Сразу выросла толпа и принялась горячо обсуждать несчастье. Делали предположения, отчего именно заболела корова и как всего лучше лечить ее? Явился какой-то древний старик, весь, точно плесенью, покрытый лохмотьями, и начал отчитывать корову, творя шепотом молитву. Толпа поснимала шапки и молча ждала результатов моления, изредка крестясь. А корова билась на земле в судорогах, пыталась встать и снова грузно падала. Она тяжело вздыхала, и много боли было в ее кротких глазах. Потом ее хозяин, сняв с головы шапку, стал ею растирать хребет животного, трижды обвел шапкой вокруг рогов, трижды вокруг шеи и столько же вокруг хвоста. И это не помогло. Принесли бутылку дегтя и вылили в глотку животного, потом угостили его скипидаром, наконец явился коновал, угрюмый мужик, с разнообразными инструментами у пояса. Он важно осмотрел корову и пробил ей каким-то ржавым гвоздем вену на шее. Тонкими струйками хлынула густая, черная кровь. Какой-то моралист нашелся в толпе. Он посмотрел на корову и ее хозяина, убитого горем, и сказал:

От це вам, дядько, божие наказание... Здаеця мені, що хотіли вы утаиты, яка вона ваша корова... И открыв господь людям вашу думку... от як!

Хохол посмотрел на него и грустно покачал головой.

Бог мою думку знае... вздохнул он.

А рядом с этой сценой разыгрывается другая. Жінка, размахивая руками, как поломанная мельница крыльями, бранит своего чоловіка. Он сидит на земле, упираясь в нее руками, и блаженно улыбается. Нос у него красный, сияющий, шапка на затылке, ворот рубахи развязался, и солнце бьет ему прямо в грудь и лицо.

Голодранец ты! Хиба же морді твоїй не стыдно? Э-э, шибеник! Візьму кнут, та як учну стегать...

Оле-ена! Утыхо-о-омырся-а! тянет чоловік, подмигивая жінке. Слухай... Я и тобі пивкварти купив.

О-о! стонет жінка. Бесстыжи очи!

Наклоняясь к мужу, она с великим трудом приподнимает его с земли и старается засунуть это расслабленное хмелем тело под воз. Чоловік стучается головой о колесо и предупреждает жену:

У кармані штанів скляниця... то як бы и... и вона не побилась... э?

Через минуту они оба дружелюбно распивают пивкварти, и добрая, хотя строгая, супруга уже обложила своего благоверного сеном и одеждой так, что он мог свалиться в любую сторону без риска удариться своей головой о колесо.

Молоденький еврей с ящиком на груди ходит и кричит:

Роменский табак! Панский табак! Крепчайший табак! Черт курил дымом

жінку уморил.

От це добрый табачино, коли з его жінки мрут! замечает какой-то Солопий Черевик.

В центре ярмарки два длинных ряда палаток образуют широкую улицу, сплошь набитую народом. Под одним из полотняных навесов приютился еврей с рулеткой. Его окружает плотная толпа преимущественно молодежи, и из нее то и дело раздаются то угрюмые, то возбужденные голоса:

Красна! Черна! Чет!

В стороне бледный и встревоженный парубок уговаривает другого:

Онисиме! Дай же мені карбованец! Бо я, мабуть, и ворочу мои гроши... О, не грать бы мені в ту бісову штуку... Вертыться, вертыться та и вывернет твои карманці...

Остробородый ярославец торгует гребешками, ножичками, книжками, мылом...

Паж-жалуйте-с! Заграничные товары! Столичные книги! Благовонные мыла! Небесные духи! Молодой юноша! позвольте вам предложить книжечку для приятного чтения-с? Не угодно ли подробно рассмотреть, очень занимательная история смерть господина Ивана Ильича, сочинение графа Толстого. При сем же веселая комедия Плоды просвещения. Очень тонко осмеяны господа столичные и русские мужики. Продаю за двадцать копеек-с! Графское сочинение за двугривенный, дешевле никто не продаст! А вот еще не пожелаете ли Князь Серебряный? Про царя Ивана Грозного... но случаю того, как эта книжечка уже читана, за тридцать пять копеек отдам! Стихи поэта Пушкина-с по пятаку и по три копейки книжка... Прекрасные стихи самого веселого содержания... Андрей Бесстрашный, русская повесть... цена три копейки. Япанча, татарский наездник, взятие города Казани. О разведении кур не желаете ли просветиться? Пять копеек цена... Машинка для усов извольте-с! Житие и иже во святых отца нашего... Красавица! Купите зеркальце? Душистое мыло есть... Чего-с? За Ивана Ильича гривенник? Напечатано на книжке двадцать. За гривенник могу продать вот-с Еврейские рассказы... Тетка! Ты так гребень ломаешь... Почтенный! купите бритву? Загробная жизнь, или о том, что ждет душу нашу по смерти... Весьма полезно знать цена полтина! Не желаете? Болезни домашних животных полюбопытствуйте! Веретагианская кухня... А то вот часики продаю: серебро как золото, ход самый правильный, цена дешевая... Почтеннейший мыльца для дочки не желаете ли приобрести?.. Последнее слово, милый: за Ивана Ильича восемнадцать копеек...

Ни одной секунды не молчит этот сухой и поджарый ярославец, продающий сразу двум десяткам покупателей. Его звонкий голос издали влечет к нему народ, и около его лавочки тесная толпа. Одни покупают, другие просто

смотрят на продавца и слушают его бойкую, рассыпчатую речь. Здоровенный усатый хохол долго таращил на ярославца большие, выпуклые глаза и вдруг расхохотался.

Чого вы, пане, регочете? спросил его сосед.

Та ось він, цей москаль, нехай ему, бісову сыну, гадюка у глотку влізе... Він зовсім як та молотилка роботає. Доброму чоловіку у місяць стільки не казати, як він у час кажет...

А у возов с глиняной посудой из Опошни, посудой, замечательной по рисункам, но грубоватой по исполнению, торгуют хохлы. Здесь не торопятся. Вот какая-то разомлевшая от жары женщина с зонтиком в руках подходит, берет макитру подобие великорусской корчаги и, рассмотрев ее, спрашивает: Скільки грошей?

За що? осведомляется продавец, возлежащий под возом на брюхе.

А за макитру...

Тридцать пять копеек...

О, лишечко! та то дуже дорого!

Хиба ж?

А звісно! Вон она не равна, та корява...

А що ж вы, пани, с цієї макитры стрелять хочете, чи що? Зачім ей бути равной?

Не ружье вона, а макитра.

Та воно вірно... Ще и не гладка вона, та и тускла яка-то...

Так же то зеркало гладко та блестяще, зеркало, а не макитра...

Вона и дребезжит...

О? То значится в ней дірка є.

То-то є дірка...

Так вже світ устроєн, пани, что у ним усе діряво... Вон и у вас, пани, хусточка з діркою.

Пани краснеет и оправляет платок на груди...

А вы, пани, подивитесь, може и знайдете крепку макитру.

Пани смотрит макитры, а продавец, неподвижно лежа под возом, смотрит на нее...

Будьте милостивы, скажите мені от така хороша? показываєт пани выбранную посудину.

Це? Зо всих наилучча...

Начинают торговаться. Это длится долго, часто прерываясь паузами, во время которых женщина выдумывает все новые и новые недостатки макитры, а торговец наслаждается покоем в тени воза. Бойчее торгуют жінки. Они продают какое-то розовое питье, вишни и тарань. Этой рыбы целые вороха лежат на земле, и, так как ее здесь очень любят, она покупается хорошо. Звонкие голоса женщин так и режут уши.

Рыба черноморска, керченска, вкусна та солена!

А вот ще наилучча рыба!

А тепери я веліка,

Треб-ба мені чоловіка...

Тени от воев становятсѧ все длиннее. Жара спадает. С лугов тянет запахом свежескошенного сена. Солнце село, и на небе задумчиво замерли легкие облака, еще розовые от заката. Шум понемногу стихает; люди, изморенные хлопотами и зноем дня, укладываются спать на воздухе и под возами. Тяжело дышат воли, пережевывая сено; фыркают лошади.

Теперь уже все звуки разрознены и ясно слышны, они не сливаются в тот гул, что оглушал и опьянял в течение дня. Вот раздается торжественная музыка. Около слепого, играющего на фисгармонике, толпа молчаливых людей стоит без шапок и благоговейно слушает музыку.

Господа, сим восхва-а-алим и возблагодарим творца на-а-шего, поет слепой, аккомпанируя себе на звучном инструменте. Густые и успокаивающие ноты печально вьются в воздухе над головами молитвенно настроенных людей, покрытых потом и пылью. Иные шепчут что-то видно, как шевелятся их губы, иные вздыхают... Большинство немо, неподвижно и глубоко серьезно.

А со стороны погоста несется удалая песня, исполняемая могучим хором молодых голосов. Гей-гей! гремит припев.

Слышно, что эта песня складывалась в широкой степи, верхом на конях, во время похода, старыми свободолюбивыми лыцарями, проливавшими свою бурную и горячую кровь за віру христьянську та вольності козачи...

Пойте славу бога нашего-о... яко он творец мира и прибежище челове-е-ков, в нем же обрящем упокоение... поет и играет слепой.

Ночь идет.

Кое-где уже вспыхнули огоньки костров, и вокруг них видны фигуры людей, красноватые в блеске огня. Приятной свежестью веет с лугов, где Псел, темный, красивый и быстрый, стремительно спешит к Днепру и с ним в море. Вспыхивают звезды...

Ночь идет.